

Чжуан Шаогун, выслушав человека с отметиной, заметно переменялся в лице. Перед глазами невольно всплыли жуткие картины, увиденные в «Лавке забоя овец».

«Неужто и в этой „Гостинице мертвецов“ приторговывают человечинной?» — промелькнула пугающая мысль.

Еще на пороге название заведения показалось ему зловещим. Однако, пройдя через череду недавних злоключений, он уверился в необычайном мастерстве Умина и теперь чувствовал себя куда смелее.

— Покойные заслуживают почтения, — твердо произнес юноша. — Их надлежит предавать земле. Делать деньги на трупах... не боитесь ли вы небесного возмездия?

Человек с отметиной лишь усмехнулся:

— Наше ремесло, малый, кары не навлечет. Напротив, в нем сокрыта великая благодать.

Шаогун недоверчиво вскинул брови:

— Какая же благодать может быть в торговле мертвецами?

— Видно сразу — нет в тебе житейского опыта, да и места эти тебе чужие, — степенно ответил собеседник. — Старые люди говорят: опавшие листья возвращаются к корням, а умирающая лиса поворачивает голову к родному холму. Купцы да книжники, что сгнули на чужбине — если есть у них хоть грош за душой, кто из них не мечтает упокоиться в родной земле? Но путь долог, горы высоки. Трех дней не пройдет, как тело тронет тлен. Как быть? И лишь здесь, в краях Сяншуй, мертвецы не гниют. Только здесь можно доверить покойного провожатому, чтобы тот доставил его домой.

В здешних краях, особенно в Чэньчжоу, издревле процветало колдовство народностей гэляо. К тому же эти земли были богаты киноварью, из которой выплавляли ртуть — верное средство против разложения, излюбленное строителями императорских гробниц. Сама природа благоволила тайному искусству: со временем местные мастера постигли секрет сотворения «цзянши» — заговоренных трупов. Так родился древний промысел «перегона мертвецов».

Выслушав объяснение, Чжуан Шаогун устыдился своих подозрений. «И впрямь, мир полон чудес. Прочсть десять тысяч томов не так полезно, как пройти десять тысяч ли, — подумал он. — Сиди я дома, разве узнал бы о таком?»

— Простите мою дерзость, — поклонился он в знак извинения. — Я несправедливо обвинил достойных людей. Надеюсь на ваше великодушие. Но всё же, почему это место прозвали «Гостиницей мертвецов»?

— Так ведь это и есть приют, где покойники дожидаются своего часа, — просто ответил человек с отметиной.

Шаогун поднялся и огляделся, ища подтверждение его словам. Прямо за его спиной стояла невысокая каменная перегородка, возведенная по всем правилам фэншуй, чтобы пресекать губительные потоки энергии. В нише на этой стене он увидел три глиняных изваяния дев.

Та, что застыла посредине, закрыла лицо распущенными волосами; рот её был приоткрыт и плотно набит грязью. Стоявшие по бокам спутницы закрывали лица руками, словно оплакивая её.

Присмотревшись, Шаогун негромко спросил:

— Неужто в центре — императрица Чжэнь?

Человек с отметиной явно удивился:

— А ты откуда знаешь, малец?

— Император Вэй, Цао Пи, по ошибке казнил свою супругу. В летописях сказано: «повелел закрыть лицо волосами, а рот забить мякиной». Это изваяние в точности повторяет описание. Стало быть, две другие девы — сестры-наперсницы с реки Сяосян?

Собеседник довольно крякнул:

— И это угадал?

— Всё просто, — пояснил Шаогун. — После горькой кончины госпожи Чжэнь её деверь, Цао Чжи, сложил «Оду к Богине реки Ло». В ней говорится, что императрица обратилась в божество — «прекрасная, словно парящий лебедь, гибкая, точно играющий дракон». Стоя на утесе над рекой Ло, она внимала двум наперсницам Сяосян — женам великого Шуня. Те так оплакивали супруга, что бамбук покрылся пятнами от их слез, а сами они бросились в воды Сяншуй. Всё это случилось именно в наших краях.

Человек с отметиной довольно улыбнулся:

— Надо же! Хоть жизни ты не видел, зато книжной премудростью сыплешь лихо. Не во всём ты прав, но корни нашей школы угадал почти верно. Как звать-то тебя?

— Фамилия моя Чжуан, имя — Шаогун, — честно представился юноша.

Собеседник на миг замер:

— Так ты сын главы Врат Бедствий? Ну, тогда всё ясно. В вашем роду всегда рождались одни книжные черви.

Шаогун лихорадочно соображал: «Что еще за Врата Бедствий? Этот даос называет отца главой... Неужто из-за „Пяти Бедствий“, тех пятерых мертвецов-слуг, нашу семью в поднебесной считают целой школой?»

— Досточтимый, вы знали моего отца? Могу ли я узнать ваше великое имя?

Человек с отметиной погладил длинный волосок, растущий из родинки:

— Моя фамилия Ма. В миру зовут Ма Минваном, я ровесник твоего родителя, так что можешь звать меня дядей Ма. — Он указал на мужчину с заячьей губой: — А это твой дядя Ню, почтенный Ню Апан. Мы с ним — двое из «Троих Злодеев» Врат Духовной Настройки. Я — Трупное зло. Слышал о нашей школе?

— Виноват, дядя Ма, — смиренно ответил Шаогун. — По невежеству своему не доводилось.

Ма Минван не обиделся:

— Ничего удивительного. Наследникам Врат Бедствий не дозволено покидать порог до восемнадцати лет. Сперва нужно пройти испытание, а уж потом лезть в дела Поднебесной. — Он наставительно продолжил: — Наши Врата Духовной Настройки, как и ваши Врата Бедствий, входят в число Восьми Великих Врат. А эта гостиница — наш оплот. Ты верно сказал: в нише Лошэнь, богиня Чжэнь Ми. Она — прародительница нашего искусства.

Шаогун замер в оцепенении, а затем спросил:

— Дядя Ма, а чему именно учат в ваших Вратах?

Матушка Юй когда-то рассказывала ему о Вратах Богини с горы Ушань, что покровительствуют падшим женщинам. Но о Вратах Духовной Настройки он не знал ничего. Если судить по названию — может, они музыканты?

— Иначе нас кличут Вратами У — школой заклинателей, — пояснил Ма Минван. — Наша прародительница Чжэнь Ми училась магии у мудрой змеи. К сожалению, до наших дней дошли лишь три искусства: гадание, ведовство гу и перегон мертвецов. Их и прозвали «Тремя Злами». Мы — мастера перегона. Предание гласит: император Шунь скончался в походе и был погребен в неизвестной могиле. Жены не нашли его тела и в тоске бросились в реку. Потому мы и молимся им — пусть хранят тела усопших на пути домой, дабы живым было утешение, а мертвым — покой.

«Мудрец не говорит о сверхъестественном», — вспомнил Шаогун, но всё же эти «левые пути» магии заворожили его. В словах даоса чувствовалась неведомая, пугающая мощь.

— Дела ваши и впрямь несут великое благо, — искренне вздохнул он.

Едва он договорил, как из вороха сухой соломы в углу раздался тихий смешок. Это подал голос Умин.

Шаогун оторопел: оказывается, парень вовсе не спал и всё слышал.

Ма Минван нахмурился:

— Ты чего зубы скалишь, щенок?

Умин, не открывая рта, передал голос прямо в сознание:

— Смешно мне, как наш молодой господин рассыпается в любезностях перед мелкой сошкой, что плетется в хвосте «Трех Зол». Мелет чепуху, а тот и рад уши развесить.

Ма Минван разгневался, он несколько раз порывался что-то сказать, но лишь процедил:

— Что ты несешь, наглец?

Умин рывком сел:

— Этой ночью мой молодой господин намерен очистить Врата Духовной Настройки от скверны. Вижу, ты человек честный. Если сделаешь всё, как я скажу, твоя ветвь Трупного зла станет единственной и полновластной.

Шаогун не слышал их мысленного спора, но увидел, как дядя Ма вскипел:

— Какая наглость!

В этот миг снаружи, сквозь шум ливня, донесся детский голосок:

— Братик!

Шаогун вздрогнул. Ночь, глухомань, гроза — откуда здесь взяться ребенку? Голос звучал жалобно и страшно:

— Братик... братик... братик!

— Ой, как больно! Пин-эр больно! — зарыдала девочка.

«Пин-эр... — имя показалось Шаоуну знакомым. — Где же я его слышал?»

Он уже хотел было просить Умина выйти на разведку, как вдруг мужской голос зычно позвал:

— А-И!

Шаогуна словно громом поразило. А-И — это его домашнее имя, так называли его в детстве. Голос — строгий и одновременно бесконечно нежный — принадлежал его отцу, Чжуан Цзисюну. Юноша бросился к дверям:

— Отец!

Во тьме за порогом, под косыми струями дождя, едва слышимо маячила фигура в длинном халате.

— А-И, — донеслось снаружи. — Здесь ли «Бедствие болезни», Умин?

— Да, отец, он здесь!

— Хорошо. Тогда убей его. Своими руками!

Шаоун побледнел как полотно:

— Но за что?.. Почему я должен?..

— Твоя мать при смерти, — властно отрезал силуэт. — Лишь его руки, кровь из его сердца станут лекарством, что спасет её. — К ногам Шаогуна с глухим звоном упал кинжал. — Иди, А-И. Отсеки ему руки. Вырви его сердце.

Умом Шаоун понимал — это безумие, бред, но страх за мать парализовал волю. Дрожащими руками он поднял кинжал и, словно во сне, побрел к Умину. Его пальцы вцепились в ворот черной куртки юноши, пытаясь обнажить его грудь.

Умин не шелохнулся. Он лишь пристально смотрел в глаза Шаоуну и тихо спросил:

— Неужто ты убьешь меня?

— Чтобы спасти матушку... — прошептал тот в забытьи. — Я убью тебя, а после — покончу с собой, чтобы искупить вину.

— Разве в этом сыновний долг — отнимать чужую жизнь, чтобы спасти свою кровь?

В душе Шаогун закипела неистовая борьба. Лицо его покрылось испариной. Вдруг кинжал с лязгом выпал из ослабевших пальцев на пол.

Ма Минван и Нью Апан вздрогнули и переглянулись. Умин говорил легко, но то, что слышал Шаогун, было «Напевом, топящим душу» — тайным искусством Зла гадания, девы Фу Лин. Под звуки восьми инструментов иллюзия туманила разум, а тени на стенах, подсвеченные фонарями, оживляли самые потаенные страхи, толкая человека на преступление.

Говорили, некогда мастер Хунду подобным образом обманул самого императора, заставив того поверить, будто он призвал дух покойной красавицы Ян Гуйфэй.

То, что Умин с его опытом не поддастся мóроку, было ожидаемо. Но Чжуан Шаогун, обычный книжник, сумел вырваться из плена видений за считанные мгновения. Его самообладание поражало.

Придя в себя, юноша обнаружил, что всё еще сжимает воротник Умина, почти прильнув к нему. Он в смущении отпрянул.

Снаружи раздался женский смех, перемежающийся жуткими, рваными всхлипами.

— Ма Минван! Нью Апан! — пропел голос, в котором сплелись и хохот, и рыдания. — Этот чахоточный щенок — враг наших Врат! Взять его немедленно!

Голос принадлежал молодой женщине, но со старейшинами она говорила как с прислугой.

«Какая невоспитанность!» — возмутился Шаогун. Но тут же затревожился: Умин — враг их школы? И за что?

Ма Минван дернул волосок на родинке:

— Я и сам не прочь проучить наглеца. Но наши Врата и Врата Бедствий всегда жили в мире. Чем он досадил вам, дева Фу?

— Он избил Лао Чжа, нашего человека из «Лавки забоя овец», и погубил чан с трупным маслом, что готовил Тэн Бао! Схватите его!

При упоминании лавки Шаогун всё понял. Если бы он не забрел в то жуткое место, Умину не пришлось бы драться с подручными заклинателей. А чан с трупным маслом... это ведь та потайная комната, полная выпотрошенных тел, которую они с возничим нашли на кухне. Это он просил возничего войти туда, это он велел предать останки земле. Выходит, во всём виноват он сам, а вовсе не Умин!

Он хотел было возразить невидимой деве, но Умин шагнул вперед, заслонив его собой.

— Зло насекомых-гу Тэн Бао, Зло гадания Фу Лин! — Голос Умина заполнил гостиницу, перекрывая грохот грома. — Долго же вы подслушивали. Чего ради прятаться? Выходите! Может, втроем вы и продержитесь против меня дольше десяти ударов. А если пошлете вперед одного из «Троих Злодеев» — пеняйте на себя. Ждет вас одна дорога — в могилу!

Голос его лился ровно и мощно, рожденный чистой энергией в самом средоточии сил — даньтяне. Ма Минван и Нью Апан застыли в ужасе. Такой мощи ждали бы от признанных мастеров, вроде главы Уданшаня Е Иньяня, который десятилетиями тренировал связки на пиках под бурей. Но этот юноша, еще не достигший и двадцати лет... Откуда в нем такая бездонная, кристально чистая внутренняя сила?

Чжуан Шаогун, не смысля в боевых искусствах, мощи голоса не оценил. Видя, как Умин нарывается на драку, он робко потянул его за рукав:

— Неужто обязательно сражаться?

Умин обернулся к нему:

— У тебя есть план получше? Ты здесь главный, я лишь исполняю волю наследника.

Шаогун на миг задумался и серьезно ответил:

— Мудрецы учили: встречая жестокость, отвечай кротостью, дабы смягчить сердца. Неужто нельзя... убедить их добродетелью?

Умин долго смотрел на него. Помолчав, он сухо бросил:

— У меня таланта к этому нет. Но ты — попробуйся.